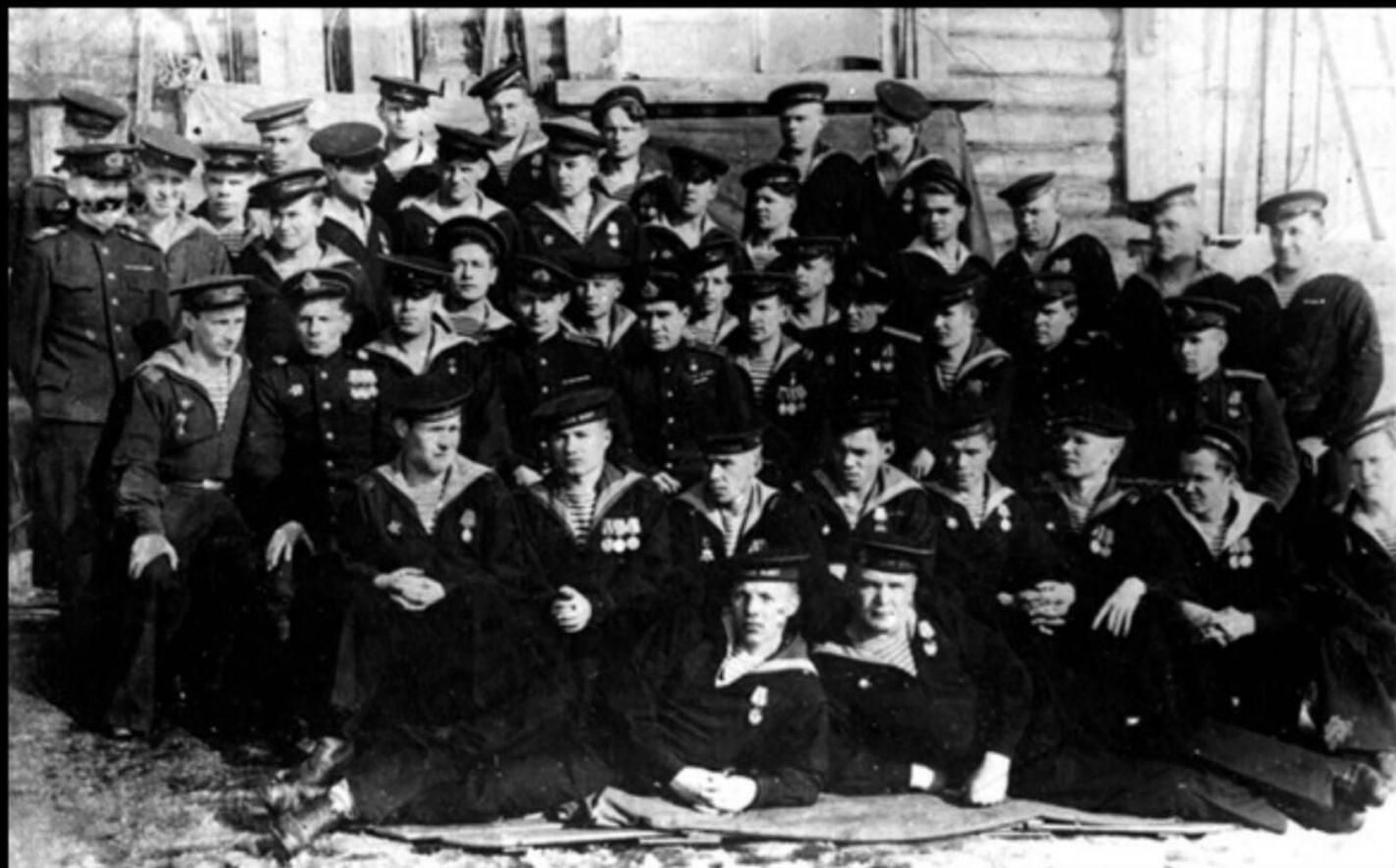

Валерий Ковалев

ЧЕРНЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Валерий Ковалев
Черные дьяволы

«Автор»

2023

Ковалев В. Н.

Черные дьяволы / В. Н. Ковалев — «Автор», 2023

Великая Отечественная война. Для обороны советского Заполярья при штабе Северного флота создается особый разведывательно-диверсионный отряд для действий в тылу врага. Отряд проводит успешные операции в отношении немецких горных егерей, совершает дерзкие высадки в тыл врага, захватывая "языков" и уничтожая военные объекты. После победы над Германией действует на Дальнем Востоке, освобождая Маньчжурию и Корею от японцев.

© Ковалев В. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. За 69-й параллелью	6
Глава 2. Снова в тыл врага	14
Глава 3. Ранение. Опять в строю	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерий Ковалев

Черные дьяволы

Прощайте, скалистые горы,

На подвиг Отчизна зовёт.

Мы вышли в открытое море,

В суровый и дальний поход.

А волны и стонут, и плачут,

И плещут на борт корабля...

Растаял в далеком тумане Рыбачий,

Родимая наша земля.

(Поэт-североморец Николай Букин)

Глава 1. За 69-й параллелью

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ [Сталин](#) поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – [Житомир](#), [Киев](#), [Севастополь](#), [Каунас](#) и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойническое нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 час. 30 мин. утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация [Гитлера](#), пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом [советско-германского пакта](#).

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойническое нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход [Наполеона](#) в Россию наш народ ответил [отечественной войной](#), и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитле-

ром, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

(Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова 22 июня 1941 года)

Над свинцовыми водами Кольского залива незакатно бродило белесое солнце, в скалистых фьордах орали птичьи базары. Шел третий месяц войны.

В Екатерининскую гавань Полярного – главной базы Северного флота, с моря входила подводная лодка серии «Щ»*. С рубки, в сторону берегового поста СНИС*, маячил флажковый семафор, мерно стучали дизеля.

Миновав тральщик брандвахты*, субмарина совершила циркуляцию, подойдя к одному из пирсов, стоящие на нем матросы приняли концы, бурун в корме опал. Пришвартовались.

По надвинутому трапу на настил враскачку сошел командир в штормовке, приложив к пилотке руку, доложил встречавшему комбригу о выполнении задания.

– Добро, – кивнул тот дубовыми листьями на фуражке, оба направились к стоявшей рядом «эмке». Заурчав мотором та тронулась с места и, выехав на берег, покатила к базовому КПП.

Чуть позже, оставив на борту вахту, на пирс сошла команда в сопровождении помощника командира, зашаркала яловыми «гадами»* по металлу.

– Взять ногу! – бросил офицер строю, шеренги подтянулись, звук стал четче.

Миновав КПП с поднятым шлагбаумом, охраняемый бербазовскими матросами с карабинами на плечах, команда углубилась в город. Именовался он Полярным и был главной базой Северного флота, раскинувшейся на берегу Екатерининской гавани в окружении гранитных сопок. В гавани стояли боевые корабли, на сопках тяжелые орудия, прикрывая ее со стороны моря.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите на почту? – раздался голос из второй шеренги.

– Давай, Васнецов, только быстро, – повернул на него голову помощник.

Спросивший (экипажный почтальон) покинул строй и зарысил в сторону штаба на небольшой площади.

Миновав одну из улиц застроенную деревянными и каменными домами, строй втянулся в открывшиеся ворота своей бригады и, миновав пустынный плац, бегом поднялся на второй этаж кирпичной казармы.

Там, у тумбочки, бдил дневальный со штыком на поясе. Определив на вешалку бушлаты с бескозырками, разошлись по помещениям. Одни направились в жилой кубрик, другие в умывальник – перекурить.

– Вить, дай папиросу, мои кончились, – уселся на подоконник моторист Сашка Сенчук. Худощавый, невысокий, с коротко стриженной головой.

– Держи, – протянул тот початую пачку «Пушки».

В отличие от Сенчука он был рослым, с широкими плечам и смоляным волнистым чубом. По специальности моторист, фамилия Леонов, звание – старший краснофлотец. Родом из Зарайска, до призыва работал в Москве на заводе «Калибр». Член ВКПб* с 1940-го года.

Харьковчанин Сенчук, в прошлом тоже заводчанин, происходил из семьи потомственных металлистов. Оба служили по четвертому году и дружили.

Приятель вытащил одну, продув закусил мундштук, Виктор чиркнул спичкой. Закурили.

– А дело идет к осени, – глядя в окно, пыхнул дымком Сенчук. – Дни стали короче.

– Это да, – сделал то же Леонов. Помолчали.

Снаружи донесся шум голосов, метнув в обрез* бычки вышли из умывальника.

В кубрике Васнецов, называя фамилии, раздавал счастливым письма из дома. Для приятелей их не было, взяли у почтаря свежий номер газеты «Краснофлотец». Усевшись на Сашкину койку, принялись читать сводку.

Там значилось, что течение июля советские войска продолжали вести ожесточённые бои на Порховском, Невельском, Смоленском и Житомирском направлениях. Существенных изменений в положении на фронте не произошло.

В боях на Смоленском направлении Красной армией разбиты две пехотные дивизии фашистов.

Советская авиация совместно с наземными войсками наносила удары по мехчастям и пехоте противника и по авиации на его аэродромах. За 25 июля сбито девяносто восемь немецких самолётов. Наши потери – двадцать шесть самолётов.

Утром 26 июля несколько немецких бомбардировщиков подходили к Москве, но были рассеяны и отогнаны нашими истребителями; при этом было уничтожено три самолёта противника.

– Прет фашист, – сказал Сашка, когда дочитали до конца.

– Еще не вечер, – тряхнул чубом Виктор, сворачивая газету.

В Заполярье обстановка тоже была сложной.

Кольский полуостров занимал значительное место в агрессивных планах немецкого командования. Основными его стратегическими задачами на этом участке являлись захват в кратчайшие сроки Мурманска с его незамерзающим портом, пунктов базирования Северного флота, а также выход на линию Кировской железной дороги, соединяющей Мурманский порт с основной частью страны.

Помимо прочего, захватчиков привлекали природные богатства Кольской земли, особенно месторождения никеля – стратегического металла, крайне необходимого военной промышленности Германии и её союзников.

Для достижения этой цели на арктическом театре военных действий была сосредоточена армия «Норвегия» в составе двух германских и одного финского корпусов, которую поддерживали часть сил 5-го воздушного флота и ВМС Германии. Им противостояла советская 14-я армия, занимавшая оборону на Мурманском и Кандалакшском направлениях. С моря ее прикрывали корабли Северного флота.

– Личному составу построиться для перехода в баню! – последовала команда. Прихватив туалетные принадлежности и чистое белье, моряки снова вышли на плац.

В течение двух предшествующих недель их «Щука» находилась на позиции у полуострова Рыбачий, охраняя подходы к нему со стороны моря и ведя визуальную разведку.

После бани команда сходила на камбуз и ей разрешили отдыхать, а перед ужином приятелей вызвали в каюту командира.

– Значит так, – оглядел их приземистый капитан-лейтенант. – С завтрашнего утра по приказу командования бригады вы на месяц откомандировываетесь в ремонтные мастерские. Вопросы?

– А почему именно мы, товарищ командир? – спросил Леонов.

– С учетом бывших профессий. Вы, насколько, знаю, в прошлом слесарь-лекальщик, а вы Сенчук, токарь. Все верно?

– Точно так, – кивнули оба.

– На базе выросло число ремонтов. Специалистов не хватает. Так что нужно помочь.

– Ясно (вздернули подбородки) вопросов больше нет.

– В таком случае можете быть свободными.

Повернувшись через левое плечо, поочередно вышли из каюты.

Так оба на время стали ремонтниками. Мастерские находились в порту, работы было много. Жили здесь же, в выделенной каморке.

Одним таким днем их навестили друзья из подплава – три Николая (Рябов, Даманов, Лосев) и Алексей Радышевцев, сообщив, что на базе создается отряд морских разведчиков для действий в тылу врага.

– Мы уже подали рапорта и нас зачислили, – гордо сказал Даманов. – Как отличных спортсменов.

Леонов с Сенчуком тут же пожелали попасть в отряд, поскольку тоже имели спортивные разряды. Виктор по лыжам и стрельбе, а Сашка по боксу. Узнав, что запись в штабе бригады ведет старший лейтенант Лебедев из разведотдела, решили обратиться к нему. Тем более, что Виктор был знаком с этим офицером. В прошлом году оба участвовали в лыжной спартакиаде на первенство флота, заняв призовые места.

На следующее утро, отпросившись у начальника мастерских на час, отправились в штаб.

Выяснив, по какому вопросу, дежурный пропустил их туда и вскоре оба сидели в небольшом кабинете старлея на третьем этаже. Лебедев узнал Леонова, а когда ребята озвучили свою просьбу, вручил по листу бумаги и подвинул чернильницу с ручкой, – пишите рапорта.

– На чье имя?

– На имя члена Военного совета флота контр-адмирала Николаева.

Скрипя пером поочередно написали. Разведчик внимательно прочел и запер в сейф, – ждите. Полагаю, решение будет положительное.

– Разрешите идти? – встали со стульев кандидаты.

– Удачи вам ребята, – пожал на прощание руки.

Спустя три дня рапорта удовлетворили, обоих зачислили в отряд. Друзья навестили свою бывшую команду, распрощавшись с сослуживцами, забрали морские кисы* с немудрым скарбом и продовольственные аттестаты.

Как выяснилось, отряд сформировали в количестве пятидесяти человек из моряков военно-морской базы и призванных из Ленинграда студентов института физкультуры имени Лесгафта.

Подразделение разместили в одноэтажной казарме на окраине Полярного и тут же обмундировали в серо-зеленую форму красноармейцев. Бывшие студенты восприняли все как должное, а вот моряки нет. После широких флотских клешей, приталенных «голландок» с синими воротниками и легких хромачей, они чувствовали себя неуютно в узких полевых бриджах, кирзовых сапогах и гимнастерках.

Видя такое дело, в качестве компенсации, начальство разрешило носить под гимнастерками тельняшки.

Получили будущие разведчики и оружие: ручные пулеметы, самозарядные винтовки Токарева, кинжалы и гранаты. К ним добавили стальные каски и вещевые ранцы для переноски грузов.

Со следующего дня началась боевая подготовка. Ею руководили назначенный командиром отряда старший лейтенант Лебедев и несколько старшин, уже успевших повоевать в морской пехоте. В их числе главный старшина Степан Мотовилин, не раз бывавший в разведпосылках за линией фронта.

Отряд уводили в сопки, где бойцы отрабатывались в стрельбе, метании гранат, лазании по скалам и рукопашном бое. Впрочем, учеба была недолгой.

Горнопехотная армия вермахта «Норвегия» под командованием генерала Фалькенхорста наступала на Мурманск, Ухту и Кандалакшу, немецкие люфтваффе* бомбили столицу Заполярья.

Сентябрьской ночью двадцать два бойца отряда, в их числе Леонов и Сенчук, во главе с командиром погрузились на мотобот, и он взял курс из Полярного к устью реки Западная Лица. К тому времени полярный день закончился, температура опускалась до нуля. Поверх х/б на разведчиках были ватники, на головах кепи с наушниками и длинными козырьками, за плечами ранцы, набитые боеприпасами.

Незадолго до выхода Лебедев поставил боевую задачу: высадиться на берег, разгромить опорный пункт врага и по возможности захватить «языка». Выслушали молча, проникаясь важностью услышанного.

На море стоял штиль, ночь выдалась светлой, вошли в Мотовской залив. Вскоре причалили к галечному берегу, покрытому валунами, бот заглушил двигатель. По сходням за борт неслышно сошел передовой дозор с оружием наизготовку, за ним, цепочкой, остальные.

Вражеское укрепление находилось на высоте 670 указанной на карте, в восьми километрах от района высадки. Местность была пересеченной, дикой и пустынной. Спустя два часа, скрытно подошли к подножию высоты.

Лебедев приказал Мотовилину (в его группу входил Леонов) обойти ее с юга, старшине 1 статьи Червоному со своей – обогнуть опорный пункт с севера, после чего двенадцать разведчиков во главе с командиром начнут атаку с центра.

Самый длинный и трудный участок пути выпал на долю первой группы. Каменистая, покрытая лишайниками сопка, изобиловала валунами с осыпями, и когда она достигла верхнего яруса, бойцы Лебедева с Червоным уже заняли исходные позиции.

Виктор этого не знал, будучи уверенным, что перед укреплением они одни и, боясь отстать, неотступно полз вслед за Мотовилиным. Через полста метров главный старшина чуть приподняв левую руку, подался вправо. Поняв сигнал, Леонов пополз влево, к обломку скалы.

Чуть высунув голову, увидел сверху врагов – пять или шесть немцев. Рослых, в альпийских куртках и штанах заправленных в гетры*. Они стояли во весь рост с непокрытыми головами, руки спокойно лежали на висящих на груди автоматах. Доносился негромкий говор, наносило дразнящий запах сигарет.

«Твари», мелькнуло в голове. «Стоят на нашей земле как хозяева. А мы прячемся в камнях».

Со стороны укрытий подошел офицер, что-то гортанно сказав солдатам. Затоптав окурки те стали расходиться. Виктор, прильнув к винтовке, взял его на прицел.

– Не стреляй, – услышал сбоку голос Лебедева и вздрогнул от неожиданности. – Этого надо взять живым. Товсь!

Как потом выяснилось, командир из своего укрытия не видел егерей. Но и Виктор забыл о них. Более того, он забыл примкнуть штык к винтовке, когда бросился вперед, сближаясь с офицером. Тот выхватил пистолет, выстрелил, но промахнулся. Боец кубарем скатился в рывину. Кругом поднялась пальба, эхом раскатываясь в горах.

Виктор не понимал, кто куда ведет огонь, растерялся и в то же время понимал, что нельзя прятаться. Вдруг группы пойдут вперед или отступят, а он останется один? Надо было действовать, а что делать – не знал.

– Коля, сюда! – крикнул ползущему в его сторону Даманову.

Бой между тем нарастал. Воспользовавшись тем, что егеря вели с десантом перестрелку, Лебедев повел своих разведчиков в обход укрепления. Ворвавшись туда с тыла, они подавили огневую точку, захватив в плен немецкого лейтенанта и открыли шквальный огонь из трофейного пулемета по ложине, где скапливались фашисты. Остальные оборонялись на вершине, сдерживая натиск врага.

Вскоре ранило в живот Колю Рябова, Мотовилин стал вытаскивать его из-под огня. Леонов с Дамановым и Харабрин прикрывали обоих огнем автоматических винтовок. Тем не менее, егеря приблизились настолько, что в ход пошли гранаты.

Леонов тоже достал одну из подсумка, попытался вставить запал, не получилось.

– Ручку, ручку оттяни вояка! – заорал Даманов.

Часто кивая, выполнил, повернул предохранительную чеку и метнул гранату в приближавшихся врагов. Через пару секунд, прилетев обратно, она упала рядом с Дамановым и взорвалась. Взвизгнули осколки, к счастью не задели. Тот успел вжаться в землю.

– Спасибо, кореш, удружил! – отплевался. – Перед броском встряхивай, чтобы зашипела!

Виктор учел, метнув еще две, спарено ударили взрывы.

– Майн гот! – завопил кто-то из егерей, их атака захлебнулась.

Не сговариваясь, отползли назад, к Мотовилину. Старшина был сам, Рябова с ним не было.

Умер Колька, – тяжело дыша, вщелкнул в СВТ новый магазин. – Завалил в промоине щебнем и камнями.

В это время за гребнем снова разгорелся бой, все четверо поспешили на помощь группам Лебедева и Червоного. Обогнув отвесную скалу, поднялись вверх и на гранитной площадке увидели трупы трех егерей. Чуть в стороне, лицом вниз, лежал наш разведчик.

– Сенчук!

Виктор сразу узнал друга, бросившись к нему, перевернул на спину. Глаза убитого были открыты, в лице не кровинки.

Саня, Сань, – стал тормошить, закипая слезами. Пришел в себя, когда на плечо легла тяжелая рука Николая Лосева. Его прислал командир.

– Будет, – потянул назад. – Слышишь, Виктор? Отходим к морю. Группа Лебедева уже пересекла ложбину. Живей!

Выстрелы между тем приближались к вершине сопки. С соседней высоты ударили минометы. Мотовилин, Харабрин и Даманов отошли, и что-то кричали, призывно махая руками.

Только теперь Леонов понял, они оставлены прикрывать отход и тело Сенчука не удастся забрать с собою.

По очереди, короткими перебежками, оборачивая и отстреливаясь, приближались они к низине, по которой отходили разведчики. Временами падали и в рикошетах пуль ползли друг за другом.

Когда, наконец, последними забрались на бот и тот отошел от берега, огрызаясь огнем, обессиленно повалились на палубу, запалено дыша. По кругу пошла фляга с водой. Спустя несколько минут к Виктору подошел Лебедев, присел рядом.

– Тяжело потерять друга (немного помолчал). Видел убитых егерей на гребне высоты? Саша первым туда поднялся и уничтожил троих. Сгоряча ринулся вперед во весь рост. Такая у него, знать, натура. Проложил нам дорогу, а сам погиб.

У тебя, Виктор, был очень хороший товарищ. Жаль, похоронить не удалось. Ни его, ни Рябова. Вот Рябов... Жили – дружили три Николая. Одногодки. Все с одного эсминца, в одной футбольной команде играли. А в базу возвращаются двое. Что поделаешь, брат? Война... К этому надо привыкать.

Похлопав по плечу, встал и отошел к командиру бота, стоявшему у руля.

На море лег предутренный туман, за бортом плескались волны, мерно стучал мотор, где-то кричала гагара.

Спустя несколько часов отшвартовались в Полярном.

Захваченного языка передали в штаб, двух легкораненых отправили в санчасть, отряд вернулся в свою казарму и завалился спать. Вскоре в разных местах кубрика раздался храп, к Виктору сон не шел.

Он переживал за погибшего друга, а еще корил себя. В первые минуты боя растерялся, неумело обращался с гранатой и едва не угробил Даманова. На душе было муторно и тоскливо. Долго ворочался с боку на бок, потом глаза стали слипаться, уснул.

На следующее утро, после завтрака, Лебедев, чисто выбритый и в ладно сидящем кителе, вместе с политруком Казанцевым собрал личный состав в ленкомнате.

Для начала предложил почтить минутой молчания погибших, все встали.

– Садитесь, – выдержал паузу.

А когда все опустили на банки* сообщил, командование объявило благодарность личному составу отряда участвовавшему в операции, а краснофлотец Сенчук посмертно представлен к правительственной награде.

Далее старший лейтенант провел тщательный разбор операции, отметив, что для первого раза бойцы действовали неплохо и назвал фамилии отличившихся. В их числе оказался и Леонов.

Не ожидавший этого Виктор покраснел и взглянул на сидевшего сбоку Мотовилина. Тот, перехватив взгляд, подмигнул. Мол, все правильно.

После того, как разбор закончился, Казанцев выступил с политинформацией, рассказав о положении на фронтах. А еще о подвиге сторожевого корабля «Туман» под командованием старшего лейтенанта Шестакова.

До войны это был рыболовный траулер, мобилизованный в июле на военную службу. С него сняли промысловое оборудование, вооружив глубинными бомбами, парой «сорокопятки»* и турельными пулеметами. Спустя месяц «Туман» вышел в свой первый боевой дозор, в район острова Кильдин.

В три часа ночи над кораблем пронесся немецкий самолет-разведчик, наведший на СКР три вражеских эсминца. Завязался жестокий бой. Силы были явно не равны, он продолжался два часа. На «Тумане» погибли командир с политруком, он получил множество пробоин, но не сдался. Ушел в пучину с поднятым военно-морским флагом.

Рассказ политрука произвел большое впечатление на разведчиков, а командир, обедавший всеми глазами сказал, – вот так надо сражаться. Светлая ребятам память.

После завершения мероприятия отряд занялся чисткой оружия, и приведением в порядок снаряжения. А еще изучением трех захваченных в бою немецких автоматов и пулемета. Мотовилин уже был с ними знаком и провел наглядное занятие.

– Автомат именуется МР-40, – продемонстрировал разведчикам. – Наша пехота прозвала «шмайсером». Емкость магазина тридцать два патрона, предназначен для ближнего боя. Наш ППШ* много лучше (положил на стол).

А вот это – взял в руки похожее на костыль изделие с дырчатым стволом, – пулемет МГ-34. Весьма грозное оружие. Прицельная дальность стрельбы тысяча метров, скорострельность девятьсот выстрелов в минуту, емкость магазина до двухсот пятидесяти патронов. Может использоваться как ручной, так и станковый. Короче, универсальный.

– Да, наш «дегтярь» против такого не потянет, – сказал кто-то из ребят.

Затем главный старшина продемонстрировал разборку и сборку обеих моделей, несколько разведчиков повторили, – ничего сложного.

Во второй половине дня, в полной экипировке, отряд отправился в сопки за казармой, где весь его остаток снова отрабатывался: ходил по азимуту, совершенствовал тактику боя и лазал по скалам.

Глава 2. Снова в тыл врага

Западная Лица – река в Мурманской области. Длина сто один километр, площадь бассейна одна тысяча шестьсот девяносто квадратных километров. Высота истока двести пятьдесят метров над уровнем моря.

Исток реки расположен на склоне плато Кучинтундра, впадает в одноимённую губу Мотовского залива Баренцева моря. Порожиста и проходит через озёра Мемекъявр, Долгое, Горбатое, Ножъявр и Куыркъяврлубол. Питание в основном снеговое. Крупнейший приток – Лебяжка. На реке расположен населённый пункт Путевая Усадьба. Вблизи находится город Заозёрск. Через реку перекинуты железнодорожный и автомобильный мосты магистрали «Кола». В устье, на берегу губы, расположена одна из баз Краснознаменного Северного флота.

В годы Великой Отечественной войны по Западной Лице проходила линия фронта. Долина реки получила название «Долина смерти». На побережье много братских могил того времени.

(Справка)

Осень на Кольской земле кончалась. Море все чаще штормило, холодало. Приближалась зима.

Спустя три дня после возвращения, от командования последовал приказ о новом задании. Теперь в составе отряда. Для его выполнения, из штаба флота ожидался старший офицер разведотдела майор Добротин. Ему предписывалось возглавить операцию.

Майора в подразделении знали, поскольку тот участвовал в его создании. А еще было известно, что в Гражданскую войну он сражался против Деникина, Мамонтова и Юденича, командуя эскадрой в коннице Буденного. Награжден ВЦИКом* почетным оружием и закончил Военную академию.

– Каждого разведчика видит насквозь. Так что наматывайте себе на ус, – сказал Лебедев подчиненным о Добротине.

Тот явился в отряд накануне выхода.

Возрастом был за сорок, стройный и высокий, с легкой сединой на висках. Лицо имел продолговатое, плотно сжатые губы, со стальным блеском глаза. На вид показался суровым, что оказалось не так.

После отдания Лебедевым рапорта, майор кивнул «вольно» и завязал непринужденную беседу с теми, кого уже знал, отбирая в отряд. Затем познакомился с моряками из подплава и бывшими студентами физкультурного института.

– Тех, кто еще не нюхал пороха и ищет в нашем деле приключений (обратился к новичкам) хочу предупредить, никакой такой романтики не предвидится. Наша задача проникать в тыл врага, оттягивая часть его сил на себя, совершая диверсии и сея панику. Чем успешнее будем действовать в рейдах, тем будет легче на передовой.

Больше разведки он не касался, уселся на банку, разрешив бойцам сделать то же и рассказал о замыслах врага. Он заключался в захвате Мурманска и Кировской дороги, в случае потери которых терялись стратегические коммуникации с союзниками. А еще важные для фронта источники сырья: апатита с никелем, титана, медной и железной руды.

– Особо ожесточенные бои идут сейчас на реке Западная Лица, где германское командование сосредоточило свои отборные части. Вот туда мы с вами и отправимся, – закончил Добротин. – Имеются ли у кого вопросы?

– Разрешите? – поднялась рука. – Старшина 1 статьи Червоный.

– Слушаю, товарищ Червоный.

– В чем будет заключаться операция? – встал с банки.

– Скрытно высадиться на занятый врагом левый берег, тем же порядком зайти ему в тыл и уничтожить как можно больше живой силы.

– Ясно, – опустил старшина на свое место.

– Старший краснофлотец Радышевский, – поднялась еще рука.

– Давайте, – кивнул майор.

– Сколько времени она будет продолжаться?

– Пока не выполним задачу.

Больше вопросов не было. Лебедев приказал готовиться к походу и по просьбе майора выделил ему вестового* – матроса Тарзанова. Маленький и юркий Витек, как его звали в отряде (нос кнопкой, веснушчатое, всегда усмешливое лицо) был разбитным, ловким и смелым.

Как только офицеры ушли к Лебедеву в каюту, он выпятил грудь и шутиливо продефилировал по кубрику, раздайся море – дорогу вестовому командира! Все только улыбнулись, не решаясь подтрунивать над Витьком, тот за словом в карман не лез. А вот матрос Белов, зачисленный в отряд из флотского ансамбля песни и пляски, этого не знал.

– Как в разведку попал, малыш? – заступил он Тарзанову дорогу. – Слышал, ты на траулере обретался, поваренком при коке. Это правда?

– Ага, – ухмыльнулся Витек, служивший до этого минером на «морском охотнике». – Поварское дело, брат, занятие умственное. Это тебе не на сцене ногами дрыгать.

– Уел! – грянули смехом моряки, а Белов с высоты своего двухметрового роста, отступив назад прогудел, – м-да, языком молоть горазд. Салага-салагой, а фонтанируешь словно кит.

– Нет, погоди! – уже впелся в него Тарзанов. – Вот пойдем в разведку, держись рядом. Не пропадешь! Я тебя научу и рыбку ловить и уху варганить.

Кругом одобрительно зашумели.

– Да пошел ты!.. – окончательно смущенный Белов вырвался из рук Витька. – Скажи, какой учитель объявился. Это ты в походе держись около меня. Не затопчут! А когда выдохнешься, я тебя, клопа, в ранец запакую и понесу.

– Так я с полным удовольствием! – Витек несколько не обиделся и повернулся к ребятам. – Вот старший лейтенант Лебедев рассказывал, в горной войне нет лучшего транспорта, чем выючный – на ишаках. У нас один есть – показал на Белова.

В кубрике снова захохотали.

Когда на землю опустились сумерки, отряд погрузился в порту на мотоботы.

Был разделен на две группы. Одной командовал старший лейтенант Лебедев, второй – капитан Инзарцев. Общее руководство осуществлял Добротин.

Инзарцева, которого моряки хорошо знали, прикомандировали к отряду на время операции. Он являлся флагманским физруком бригады подводных лодок и призером флота по штанге. А еще отличным яхтсменом и футболистом. Выглядел же обманчиво: среднего роста, худой и сутуловатый.

С поста СНиС ратьер* промигал «добро» на выход, зарокотали моторы ботов. Оба отвалили от стенки. Выйдя из базы в Мотовский залив прибавили ход и вскоре исчезли в ночном мраке. Вокруг с плеском катились волны, в лица летели брызги, порывами налетал ветер.

Звезд в небе не было, береговая линия исчезла, шли по счислению*. Спустя несколько часов вошли в устье Западной Лицы, в расчетное время высадились на занятый врагом берег. Он был скалистым с участками тундры и болотами, перемежавшимися сопками.

Сняв часовых и просочившись сквозь немецкую оборону (она была здесь не сплошной) отряд зашел врагам в тыл и вступил в бой. Поначалу он складывался для разведчиков удачно. Не ожидавшие оттуда удара, немцы оставили одну сопку, за ней другую.

Уничтожив оставшихся, разведчики оказались на господствующей высоте. Внизу, в покрытых мглой долинах, противник накапливал силы для атаки. Майор приказал Лебедеву разведать соседнюю высоту.

Он предвидел ход событий. Не всегда, оказывается, самая высокая вершина является лучшей для боя. В землю не зарыться, маскироваться негде, а фашисты, скорее всего, запросят на подмогу авиацию. Соседняя сопка была значительно ниже, зато ее пересеченный и покрытый валунами хребет, идеально подходил для обороны. Сбить с него разведчиков было нелегко.

Помимо этого, опытный Добротин хотел создать у противника видимость отступления своих бойцов. И когда под натиском превосходящих сил те начнут отход к берегу, егеря, чтобы отрезать десант, вызовут подкрепление. Отряд же, по уже разведанному маршруту – узкому ущелью, ускользнет от них.

Таков был замысел командира, и, в конечном счете, майор навязал противнику свой план боя. Остаток ночи и весь световой день разведчики оборонялись и нанесли значительный урон «героям Нарвика и Крита»*. Оттянув часть их с передовой, разведчики тем самым помогли советскому пехотному полку контратаковать противника и, форсировав реку, занять более выгодные позиции.

В этом бою Леонов действовал более уверенно. Ведя из винтовки прицельный огонь, он застрелил двух фашистов, а третьего, метнувшегося навстречу, заколол штыком.

– Неплохо! – поливая врагов огнем из своего «Дегтярева», прокричал ему Лосев.

Задача была выполнена, потери отряда оказались не велики. Но в базу возвращались с таким чувством, словно его постигла неудача.

Пришвартовались к знакомому причалу, на полуторке отправили в госпиталь раненых и убитых, построились в две шеренги, зная, что команды «разойдись!» не будет.

В строю, поникнув головами, стояли четыре безоружных разведчика, а старшина отряда Григорий Чекмачев сверял по списку номера четырех винтовок – кому какая принадлежит. На шкентеле* с сапогом сорок шестого размера в руке, хмуро стоял Витек, а на правом фланге – босой Белов.

Случилось вот что.

К полудню отряд отбил несколько атак, а когда немцы получили подкрепление, начал отходить к соседней сопке. Первая группа уже заняла новый огневой рубеж, вторая прикрывала маневр.

Вражеские атаки нарастали.

Егеря приблизились настолько, что были слышны их крики и топот кованых ботинок. Потом на высоте остались два последних отделения – Лосева и Даманова. С ними майор и капитан. Напряжение боя нарастало, гремели выстрелы, рвались гранаты, и у Белова сдали нервы.

Оглянувшись, завопил, «уже все отошли!», вскочив, резво побежал. За ним еще три разведчика. Скатившись вниз, чтобы сократить дорогу, ломанулись напрямик, к небольшому озеру. Те, кто остался, продолжали яростно отбиваться.

Стрельба нарастала, и беглецы, посчитав что немцы уже ведут огонь по ним, побросали винтовки, а Белов стянув сапоги. Бросились в ледяную воду.

В это время майор распекал старшину Лосева.

– Где ваши бойцы? Половину растеряли? Эх вы, горе – разведчики!

Они с Инзарцевым легли в цепь, и моряки отбили еще одну атаку неприятеля.

Виктор видел в бою майора – он спокойно целился и метко бил из ППШ*. Короткими очередями вел пулеметный огонь Инзарцев. Изредка поглядывая по сторонам, Харабрии с Радышевцевым, Тарзанов и другие разведчики с ожесточением, но без страха стреляли из винтовок и, готовясь к ближнему бою, выкладывали рядом гранаты.

Даманов воевал лихо, с каким-то озорством, и Виктору было легко рядом с ним. Хотелось даже подмигнуть Николаю, и крикнуть что-нибудь веселое. Утром, когда вдали только показались егеря, настроение было совсем другое.

Томила неизвестность и смутная тревога: как сложится бой? Все это прошло. Даже в критические минуты вражеской атаки страха не было. Рядом находились товарищи. И если два отделения разведчиков с пулеметом сдерживали целую роту отборных егерей, все уже казалось ничем.

По команде майора перебежками отошли к сопке и соединились с группой Лебедева. Позже других на сопку взобрались Инзарцев с Лосевым, Харабрин и Тарзанов. Последние двое несли на плечах подобранные у озера винтовки.

– Трофеи героического прикрытия! – объявил Харабрин. – Приказано доставить в базу в полной сохранности.

А Витек, грозно потрясая сапогом, уже направился к побледневшему Белову.

– Сейчас у меня этот ишак попляшет! – харкнул на землю, но тут же замер под строгим окриком майора:

– Отставить!

И вот отряд во главе с Лебедевым стоит в строю на причале, ожидая Добротина с Инзарцевым, задержавшихся на мотоботе. Что скажет майор? Как оценит минувший бой? Какое наказание ждет трусов?

Наконец, сойдя по трапу, оба встали перед шеренгами. Лебедев хотел было отдать рапорт, но Добротин махнул рукой, – не надо. Подойдя вплотную, заговорил ровно и спокойно. Но каждое его слово вбивалось в голову.

– Паникеров передают в трибунал, где судят по законам военного времени. Мне больно и обидно, что среди проверенных и отобранных в отряд, оказались такие. Позор! Я был с вами в бою. Знаю, для многих он был первым и, надеюсь, струсившие смоят свой позор кровью. Поэтому я не передам их военной прокуратуре.

Но никогда, слышите? Никогда и никому мы не позволим бросить тень на отряд, который дрался отважно. Кто в нем останется, тот станет настоящим морским разведчиком и будет гордиться этим званием. А теперь, товарищи, отдыхайте.

И, козырнув шеренгам, ушел вместе с Инзарцевым. Так и не проронившим ни слова.

– Налле-во! – вышел вперед Лебедев. – Правое плечо вперед. Ша-агом марш!

Строй дружно выполнил команду.

Вечером в кубрике только и было разговором о первом «чп». Виновные в нем отрешенно сидели на своих койках, пряча глаза. Их не замечали. Наконец Белов не выдержал, встал, хлопнул себя кулаком в грудь и сказал, – простите нас, ребята. Больше такое не повторится.

– Клянемся, – поднялись остальные трое.

– Ладно, проехали, – ответил за всех Витек.

Потом Лебедев собрал личный состав в ленкомнате и вместе с политруком, участвовавшим в операции, провел беседу, рассказав о призвании и долге разведчиков. Истинной и ложной романтике морской службы. А еще нарисовал картины, могущие одних отпугнуть, а других зажечь отвагой. И это тоже было своеобразным испытанием для каждого, пришедшего в отряд.

– Здесь, на Севере, мы столкнулись с очень сильным и опасным врагом, – продолжал старший лейтенант. – Немецкие егеря поднаторели на войне в горах, имеют боевой опыт в Греции с Югославией и Норвегии. Поэтому чтобы их сокрушить, надо быть сильнее.

Хочешь победы – будь не только смелей и отважней противника, но и превосходи его мастерством, хитростью и сноровкой. Это придет не сразу. Опасность вам будет угрожать на суше, море и в воздухе. Предстоят тяжелые и непрерывные бои в ближних и дальних тылах фашистов.

Скоро наступит зима, а с нею полярная ночь и тогда для нас начнется самая страда. Воевать и спать придется на скальном грунте, под ледящим ветром, в метель и пургу. По несколько дней, а то и недель не будет горячей пищи – в походах нельзя разводить костер. Ходить нужно будет многие километры, по горным кручам, болотистой тундре, перебираться через пропасти и ущелья. И на всей этой местности вести бой.

Но если ты решил стать разведчиком, в сердце не должно быть робости и страха перед врагом. Одна только ненависть.

Действуешь ли в составе отряда, взвода, мелкой группы – вся твоя надежда на оружие и умение владеть им. А еще на товарищей, за которых нужно стоять горой. Но самое главное оружие – любовь к Родине и делу, которому служишь. А еще чистая совесть.

Об этом говорил бойцам их командир, те внимательно слушали. Никто ничего не спрашивал. Все было предельно ясно. Выбор – продолжить службу в отряде или вернуться туда, откуда пришли, был за каждым. И он был сделан. Все остались.

После этой беседы Виктор долго не мог уснуть. Перед глазами чудился строй на пирсе и разутый Белов на правом фланге. Он отчетливо представил себе позор, хуже которого для себя не знал. Лучше пасть геройской смертью Саша Сенчука или на худой конец умереть от ран, как Коля Рябов, чем подобно бывшему танцору, здоровому и невредимому, не иметь сил смотреть в глаза товарищам и командиру.

В один из таких дней, из Москвы, в отряд прибыл корреспондент «Красной Звезды» Константин Симонов. Его заметки и статьи многие читали, состоялась встреча. Журналиста интересовали боевые будни разведчиков, их настроение и досуг. Задержался в подразделении на несколько дней и даже сходил в поиск. А на прощание, в кубрике, прочел свои новые стихи.

Жди меня и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Когда закончил, возникла звенящая тишина, за ней грянули аплодисменты.

Потом состоялся третий рейд, на мыс Пикшуев.

Он находился на побережье Мотовского залива, в семи километрах от устья Западной Лицы. Был отлогим и заболоченным с тундровой растительностью и многочисленными ручьями, сбегавшими по камням в море.

Поскольку через залив шло снабжение советских войск, оборонявших горный хребет Муста-Тунтури, фашисты придавали мысу особое значение. На нем имелись их наблюдательные пункты, доты и блиндажи. Многочисленный гарнизон горных егерей (пехотинцев с артиллеристами) прикрывал участок с суши и моря.

Накануне похода к разведчикам прибыло пополнение и в его числе девушка. Звали ее Ольга Параева, по национальности карелка. Это была невысокая миловидная блондинка, хорошо знавшая финский язык. В отряд ее направили в качестве санинструктора и переводчика. Согласно разведанным, мыс кроме егерей, обороняли финны.

Появление прекрасного пола вызвало изрядное оживление в подразделении. Некоторые моряки, вспоминая старую примету о незавидной судьбе корабля, принявшего на борт женщину.

– Да какая она женщина, девчушка, – возражали другие, принявшись с усердием следить за своей внешностью. Едко подтрунивали над многочисленными «больными», повалившимися на прием к санинструктору, имевшему чуть скуластое, с румянцем личико и озорные, с пушистыми ресницами, глаза.

Виктор демонстративно высказывал равнодушие к «разведчику в юбке», зло подшучивая над болящими и поплатился, став объектом ее внимания. Санинструктору не понравилась его пышная шевелюра. В присутствии других ребят сделала замечание и посоветовала подстричься.

– Что вы, Олечка, – тут же вмешался в разговор Витек Тарзанов. – У старшего краснофлотца Леонова вся сила в волосах, как у Черномора в бороде. Читали «Руслана и Людмилу»?

Но Параева, не воспринимая шутку, укоризненно смотрела на Виктора своими серыми глазами.

– Разве у вас прическа? Лес дремучий. И потом, это негигиенично. Хотите, я вас подстригу?

– Еще как хочет! – увивался вокруг Параевой Витек. – Принести ножницы? Мы из Черномора Беломора сделаем.

Леонов вспылил и потребовал от девушки оставить его в покое. А потом в сердцах добавил, – займитесь лучше своими пациентами, их хоть отбавляй.

– Вот значит как? – хмыкнула санинструктор и отошла.

А в походе напомнила этот разговор.

В самом его начале Виктору не повезло. Сразу после высадки осколок мины впился в правую ступню. Боец, раненный в тылу врага, особенно остро переживает свое бессилие. Он видит, как трудно товарищам, не может им помочь, и сам им в тягость, если рядом нет санитаря.

Виктор находился в группе старшего лейтенанта Клименко. С моря к Пикшуеву направились взводы Лебедева и младшего лейтенанта Бацких во главе с майором Добротинным. С ними была санинструктор Параева.

Разведчики Клименко должны были перерезать дорогу к тылам противника, когда остальные ударят по гарнизону мыса. Чтобы не ослабить группу, Виктор отказался от сопровождающего и попросил лейтенанта оставить его одного. Пусть все следуют по заданному маршруту.

Разрезав финкой голенище, Степан Мотовилин снял с него полный крови сапог и перевязал раненую ногу. А Клименко, оставив Леонову две гранаты, сказал:

– Это на всякий случай... Спрячьтесь пока в камнях. После боя вернемся за вами.

– Не тужи, Виктор, придем! – подбодрил его Степан, и оба побежал догонять ушедших вперед разведчиков.

Леонов остался один и вскоре понял, что одиночество тяготит его больше, чем ранение. Кругом стало тихо, и эта тишина настолько томила своей неизвестностью, что он обрадовался, когда в горах возобновилась стрельба. Она то приближалась, то опять удалялась.

Взошло и стало пригревать солнце, олений мох – ягель оттаял, в камнях зажурчали невидимые ручьи. А шум боя все стихал и не в том месте, откуда следовало ждать. Леонов знал, что в горах звук обманчив, но начал беспокоиться. Возможно, бой складывался не по плану.

Потом решив, что рана пустяковая, встал, попробовал опереться на пальцы правой ноги и зашипел от боли.

– Твою мать, – снова опустился наземь и, прихватив винтовку с гранатами, пополз вперед. Голова кружилась, ногу разрывала боль. Через сотню метров ощутив слабость во всем теле, пожалел, что оставил место, где будут искать.

Стрельба между тем прекратилась, без нее потерялся ориентир, за каждым валуном чудилась засада. Отчаяние придало сил, снова встал и, опираясь на СВТ, запрыгал на одной ноге от одного к другому, поднимаясь на вершину мыса.

Через час догнал разведчиков, чтобы вновь расстаться. Сбив боевое охранение егерей, группы ушли дальше и сосредоточились для атаки гарнизона мыса. Добротин приказал Параевой задержаться с раненым, а в случае опасности дать сигнал.

– Что там у вас? – недовольно спросила санинструктор, когда остались одни. От этого тона Виктора покорило.

– Ничего, – угрюмо отвернулся. – Отдохну и двинусь дальше. А вы, между прочим, можете идти сейчас. Я вас не задерживаю.

– Послушайте, Леонов, вы не в базе, и мы не о прическе спорим. Что за капризы?

Чувствуя себя виноватым промолчал. Оба сидели на куске гранита спиной к спине. Легче от того, что рядом санинструктор не было. Где-то впереди началась шквальная стрельба, доносились гранатные разрывы.

– Слышите? – тревожно обернулась девушка.

Виктор не выдержал и закричал, – что же вы сидите! Там идет бой, давайте туда!

– Но майор? Он мне приказал...

– А мы, Оля (впервые назвал по имени) пойдем вместе. Только помогите.

Опираясь на винтовку, встал, санинструктор положила его левую руку на свое плечо, и оба направились на звуки все более нараставшего сражения.

Минут через десять Леонов уже лежал в цепи, рядом с пулеметчиком, показывая тому цели, и сам вел огонь из винтовки. Параева присоединилась к разведчикам, атакующим укрепления.

В каждом бою есть критический момент, когда решается судьба победы.

Мотовилин с Дамановым, Лосев и Радышевцев – все из группы Клименко, огибали железобетонный дон на вершине Пикшуева. Из его амбразур егеря поливали свинцом камни вниз, где засели разведчики Лебедева.

Виктор наблюдал, как Мотовилин с Дамановым швырнули туда по связке противотанковых гранат, на секунды ослепив врагов взрывами. Этого было достаточно, чтобы бойцы Лебедева бросились в атаку. Господствующий над местностью дот пал.

Допрыгав до него, Леонов увидел искореженные стволы пулеметов в задымленных амбразурах. Внутри уже находились майор с Клименко, Параева и пятеро разведчиков. На стене висел портрет Гитлера, по периметру тянулись нары. В углу чернела железная печка

На полу, с разбитой головой, подплывал кровью немецкий обер-лейтенант. В разных местах валялись еще трупы.

Второй офицер – рослый финн, стоял навтыжку перед санинструктором и что-то быстро говорил. Еще шесть обезоруженных финнов выстроившись у нар, мрачно косились на Параеву.

Здесь же, на столе, лежали несколько автоматов «Суоми»*, винтовка с оптическим прицелом и стоял полевой телефон.

Ольга беспокойно поглядывала на него, переводя речь пленного офицера.

– Это фендрик, – по нашему младший лейтенант. Зовут Лаури Хейно, – сообщила Добротину. – Говорит, немецкий офицер прибыл сюда из штаба, что в Титовке, договориться о смене. Егеря должны их сменить через два часа.

– Вы вели наблюдение за заливом? – спросил майор фендрика по-немецки?

– Да. Блокнот с записями забрал обер-лейтенант, – слегка коверкая слова, дернул кадыком. – Последние я помню наизусть. Повторить?

– Не стоит. Блокнот уже у нас. В чем подчинении находитесь? С кем поддерживаете связь по этому телефону?

– С комендантом укрепрайона Титовка подполковником Герлахом. Ему и подчинен непосредственно.

– Ясно! – майор не отрывал взгляда от финна, который, прижав руки к бедрам, ел его глазами. – Какое последнее донесение передали коменданту?

– Час назад доложил о вашем нападении на опорный пункт и тут же побежал к переднему краю.

– Эй, кто тут? Где майор? – закричали снаружи.

В дот спустился по ступеням матрос Куприянов из взвода Лебедева. Увидев командира, близко подошел к нему и глухо доложил, – старшего лейтенанта убило. Разрывной – прямо в голову. Наповал.

Добротин, побледнев, негромко вымолвил, – не может того быть. Потом так же тихо Куприянову, – возвращайтесь во взвод, скажите скоро приду. Тот выбежал из дота.

– Переведите фендрику, – обратился майор к Параевой, – ему и его солдатам ничего не угрожает. Пусть лягут в котловине за укреплением. – А охранять их будет... Сможете? – взглянул на Леонова.

И, не дождавшись ответа, скомандовал, – остальные за мной!

Но тут загудел зуммер телефона. Добротин подошел к аппарату, взял трубку и, подражая голосу фендрика, заговорил по-немецки.

– У аппарата Хейно. Я вас слушаю... Нет, не надо открывать огня. Атака отбита, русские сброшены с высоты. Обер – лейтенант в соседнем доте. Скоро придут? Благодарю!

Все застыли, настороженно прислушиваясь к разговору, и облегченно вздохнули, когда майор положил трубку.

– Комендант Титовки благодарит вас, Хейно! – обернулся к финну. А потом сказал своим, – обещает прислать подкрепление и сам сюда пожалует. Что ж! Встретим, как следует.

Вслед за этим, взяв в руку ППШ, поднялся вверх. Разведчики последовали за ним.

Пленные, отведенные Леоновым в котловину, вели себя тихо и лишь тревожно зыркали в одну сторону. Насколько можно было понять, оттуда ожидалась опасность.

К доту подошел раненный в руку матрос Волошенюк с трофейным автоматом на плече.

– Прислал в помощь Клименко (уселся рядом). Закурить есть?

– Есть, – достал из кармана мятую пачку папирос. Чиркнул спичкой, закурили.

– Как погиб Лебедев? – глубоко затянулся Виктор.

– Поднял за собой в атаку группу и тут же схлопотал в лоб пулю, – ответил Волошенюк. – Должно быть, стрелял снайпер, разрывными.

– Снайпер? – Виктор вспомнил про винтовку с оптическим прицелом. – А ну ка проверь, чем заряжена та, что лежит на столе в доте.

Разведчик зло посмотрел на пленных и исчез в дверном проеме. Магазин у винтовки оказался пуст. Сняв с нее оптику, Волошенюк уже собирался уходить, как опять загудел зуммер. Услышав «алло! алло!», Леонов поспешил к доту, чтобы предупредить товарища, но было уже поздно.

– Та шо ты гавкаешь, як собака? – вопрошал тот, отчаянно продувая трубку, и только после окрика Виктора оторвав от уха, бросил ее на стол. – Хиба ж я знав? – оправдывался, когда тот рассказал, что наделал. – Може бижать до майора?

Пока разведчики уничтожали склады с дотами и оборудование наблюдательных пунктов, из Титовки к мысу подошла колонна егерей. Пленные финны еще издали заметили немцев и дали знать охране. Волошенюк побежал к майору предупредить об опасности.

По Пикшуеву били пушки с минометами. Ранило радиста и осколками посекло рацию. А с моря к берегу уже шли два «морских охотника» с краснозвездными флагами и мотобот «Касатка».

Забравшись на вершину мыса, Коля Даманов флажками просигналил кораблям: «Поддержите нас огнем!». Оба ударили из пушек с пулеметами, не дав егерям обойти отряд с флангов.

Первыми к берегу вышли раненые. Четыре разведчика несли на плащ-палатке убитого Лебедева. Волошенюк с Леоновым гнали пленных. Позади разведчики вели неравный бой с наседавшими врагами. Последними на мотобот погрузились моряки из отделений Мотовилина и Радышевцева.

«Касатка» отстала от катеров, и на полпути к базе ее настигла пара мессершмиттов, вынырнув из облаков. Пулеметчик из команды отбивался от вражеских истребителей и поджег один. Тот не вышел из пике и, волоча за собой густой хвост дыма, с воем провалился в море.

Но на палубе уже были раненые с убитыми, в многочисленные пробоины стала поступать вода. Недалеко от берега сильно поврежденный мотобот стал тонуть, и майор приказал всем добираться до него вплавь. Получивший ранение ног, он последним покинул борт.

Через три дня в госпиталь, где находились на излечении раненые разведчики, пришли Радышевцев и Даманов. Принесли гостинец – пару банок сгущенки и несколько пачек галет. От них Виктор узнал, что санинструктор помогла майору достичь берега, а подошедшие катера забрали всех спасшихся с «Касатки».

Добротина отправили на операцию в Мурманск, а его вестового Тарзанова, с тяжелой контузией в глубокий тыл.

Отряд с воинскими почестями похоронил Лебедева, дав в небо прощальный залп. Могила его находилась на высокой сопке, обращенной к морю.

Командиром отряда назначили капитана Инзарцева, – он и послал Радышевцева с Дамановым навещать раненых.

– Ждем большого пополнения! – на прощание сказали им друзья. – Поскорее выздоравливайте.

Глава 3. Ранение. Опять в строю

25 ноября 1941 года сторожевой корабль «Бриз» находился в дозоре у мыса Канин Нос на восточном побережье Кольского полуострова. На рассвете в 6 часов 13 минут стоявший у носового орудия сигнальщик старшина второй статьи А.Н. Чижов обнаружил внезапно появившуюся в «лунной дорожке» на море темный продолговатый силуэт.

Вахтенный офицер лейтенант Л.М. Садиков немедленно объявил тревогу. Через минуту цель была опознана как немецкая подводная лодка, находящаяся в надводном положении. С получением доклада командир корабля старший лейтенант Всеволод Киреев приказал немедленно повернуть на неё самым полным ходом.

Корабль пошёл на таран вражеской подлодки. Одновременно открыл огонь из носового орудия и третьим выстрелом поразил борт врага.

Лодка стала срочно погружаться, но сторожевик с ходу врезался в неё. Удар пришёлся по кормовой надстройке, корабль тащил лодку вперед.

После таранного удара «Бриз» в 6 часов 16 минут дал полный назад и вырвал форштевень из корпуса субмарины. В пробоину тут же хлынула вода, и, получив крен на левый борт, она, высоко задрав нос, ушла в пучину.

Командир приказал сбросить в районе масляных пятен и воздушных пузырей, оставшихся на месте тарана, три глубинных бомбы.

За мужество и героизм, проявленные в бою с фашистскими захватчиками, экипаж сторожевого корабля награжден медалями, а командиру вручен орден «Боевого Красного Знамени»

(из заметки в газете Северного флота «Краснофлотец»)

Мотовилин с Леоновым находились в одной палате. У Степана было легкое ранение плеча. Взлохмаченный и небритый, в длинном до пят халате, он ходил из угла в угол и нещадно ругал себя за согласие лечь в госпиталь. Виктору в свою очередь было обидно, что приятеля выпишут из госпиталя раньше, и он останется здесь один.

Он тоже не брился и даже не причёсывался.

Злясь на себя, зачем-то рассказывал Степану, как можно ошибиться в человеке и какой славной девушкой оказалась Оля Параева. Главный старшина не оценил и тут же поставил свой диагноз.

– Начинаешь портиться корешок. Тебе вреден постельный режим. Как только меня выпишут, «смазывай» раненую пятку. Я тебя подожду у ворот госпиталя.

Время тянулось бесконечно долго и тоскливо. Пробуждение, завтрак, утренний обход. Лечебные процедуры. Обед, ужин, сон. И так все по кругу. Затем в госпиталь из Мурманска после операции привезли Добротина, и все изменилось.

Майора положили в отдельную палату для тяжелораненых. Узнав об этом, ребята обманули бдительность сестры и вскоре оказались у ее двери, этажом ниже. Но тут столкнулись с дежурным врачом.

– Почему здесь? Кого вам нужно? (нахмурил под очками брови).

– Майора Добротина! – пробасил Степан и это их спасло. Тот узнал знакомый голос.

– Пропустите их, доктор, – ответил из-за двери.

– Пять минут, – строго объявил врач и удалился по коридору. Оба юркнули в палату.

Майор полулежал на высоко взбитых подушках, на ногах гипс. Удивленно хмыкнув, поманил пальцем.

– Садитесь, раз это вы. Что с тобой? – устался на Степана.

– Пустяки, товарищ майор. Царапина. Боюсь, что тут по-настоящему захвораю.

– Так (перевел взгляд). Как твоя нога, Леонов?

Виктор поморщился и сказал, что врачи грозят продержат в госпитале около двух месяцев.

– М-да, – пожевал губами. – А я как увидел вас – прямо испугался.

Гости недоуменно переглянулись.

– Что за вид? Обросшие, растрепанные. Форменные босяки! Как мне сказать врачу, что вы – морские разведчики? Не поверит... Хотите быстрее выписаться – следите за собой! Не раскисайте. Пока все, – махнул рукой. – А вечером обязательно зайдите.

Оба с радостью согласились и поспешили на выход.

К назначенному времени побрившись и освежившись «тройным» одеколоном, застегнув халаты на все пуговицы, снова явились к майору, а покинули его палату лишь в час отбоя. Потом стали навещаться регулярно.

Добротин знал, что в строй вступит не скоро, да и во вражеском тылу теперь вряд ли доведется побывать. Поэтому говорил с ребятами о том, что считал важным.

«Почему не наказал Белова и других паникеров?» – повторил о вопросе, заданный однажды Степаном. – В самом деле – почему?

Он так искренне удивился, что Виктор решил выругать старшину после встречи, за то, что тот вспомнил этот неприятный случай из жизни отряда.

– Хорошо, слушайте.

Поправил подушку и чуть прикрыл глаза, будто создавая что-то в памяти.

– В ваши годы я уже немало повоевал и все-таки однажды чуть не праздновал труса. Тогда-то и узнал истинную цену самообладания в бою. Для разведчика это особенно важно.

Меня с взводом курсантов послали в разведку. Юденич тогда наступал на Питер.

После ночного поиска расположились мы на отдых в небольшой роще. Отпустили подпруги коням, дали им овса, сами начали подкрепляться. И тут прискакал высланный на опушку дозорный с паническим криком «беляки! Целый эскадрон* вытянулся из села. Нас окружают!...»

Курсанты бросились к лошадям, уже кое-кто, забыв подтянуть подпруги, болтался с седлом у них под брюхом. И смех и горе! Сам чуть было не сорвался с места... И вот это «чуть» до сих пор простить себе не могу. Выскочили бы мы врассыпную из рощи и – как зайцы от борзых. Тут многим и конец. Но взял себя в руки и приказал всем спешиться.

Надо вам сказать, что село было в пяти километрах, и противник вряд ли мог знать о нашем присутствии именно в той рощице. Таких кругом было несколько, и окружить нас было не так просто. Но у страха глаза велики. Когда теряешь самообладание, то уже мысли скачут вкривь и вкось. «Ты что панику разводишь?» – закричал я на дозорного. «Своими глазами видел!» – тарачит глаза.

К опушке мы подошли в полной боевой готовности и тут же установили, что из села вышел не эскадрон, а только взвод и о нашем местоположении он ничего не знал. Мы внезапно атаковали его, разбили наголову и даже пленных захватили.

Так вот о Белове, – чуть помолчал майор. – Всю дорогу, пока шли на боте в базу, я думал, как с ним поступить? Передать дело в трибунал – расстрел. А парень молодой. Только жить начал.

И вспомнил этот, уже давний случай с дозорным. Фамилию его забыл. Дразнили курсанта потом Паникадиллом. И носил он эту кличку, пока не заслужил за храбрость орден. А в первом бою, как видите, оплошал. Это бывает...

– Точно, товарищ майор! – не выдержал Леонов. – По себе знаю.

Добротин около месяца пробыл с парнями в госпитале, потом его отправили на окончательное излечение в тыл. В последний вечер зачитал им два письма, хранившихся в одном

конверте. Первое от жены старшего лейтенанта Лебедева, пришло из Баку. Женщина благодарила майора и всех разведчиков за заботу и внимание к ней.

«Вы просите быть стойкой, – писала она. – Об этом и Жора просил меня в своем последнем письме. Вот его слова: «Идет жестокая война. Я верю в жизнь и в нашу победу. Ты – жена советского разведчика. У тебя должно быть спокойное и храброе сердце. И чтобы наш сынишка никогда не видел слез в твоих глазах... Помнишь, когда мы только познакомились, твоим героем был Овод. Ты восхищалась его стойкостью и верностью. И часто повторяла строчки, которыми он закончил свое последнее письмо любимой женщине: «Я счастливый мотылек, буду жить я иль умру...» Майор оборвал чтение.

Виктор не решался поднять голову, чтобы не заметили его волнения. Он хорошо помнил роман «Овод» и эти строки. И еще я не забыл, что говорил ему Лебедев после гибели Саши Сенчука

– Такой он был, наш старший лейтенант Георгий Лебедев, – сказал майор. – А вот другое письмо, не отправленное (развернул листок) Его писал немецкий обер-лейтенант, тот, что был убит в финском доте на Пикшуеве. Тоже адресовано любимой. И здесь есть стихи видимо, сам сочинил. Переводятся он так:

«Нас занесло в эти холодные края по воле фюрера. Молись за меня! Мне уже теперь снятся страшные сны... Полярная ночь и вьюга.

Я еще жив, а считаюсь убитым. И никому не могу сказать, что меня, живого, похоронили. Только дикий олень приходит на мою могилу и трубит свою тоскливую песню...»

– Скажите, какой чувствительный фриц! – удивился Мотовилин. – Только этот обер, между прочим, был отчаянным! Лупил, гад, из пулемета, пока мы к самой амбразуре не подползли. Олень трубит? (усмехнулся). – Может, товарищ майор, это моя противотанковая протрубила ему последнюю песню?

– Может быть, – чуть помолчал Добротин, думая, видимо, о чем-то своем, так как заговорил потом горячо, убежденно.

– Вот они с немецкой точностью подсчитали, насколько имеют больше самолетов и орудий, измерили силу своих ударных горных дивизий, бригад и полков. По расчетам их штабистов получается, что в самый короткий срок фашисты должны взять верх над нами. Только этого, – потряс письмами, – этого они не приняли во внимание. Не поддается учету!

Их офицеру за гранитной стеной дота чудилась смерть и всякая чертовщина. Отчаянно дрался? – повернул майор голову к Степану. – Отчаянный – не значит храбрый. Наш старший лейтенант шел на смертный бой, штурмуя укрепление, и верил в жизнь, верил в победу. До последнего дыхания верил! Пусть эта вера никогда нас не покидает. А сила? Сила еще скажется!

На Кольскую землю пришла зима. Неистовый ледяной ветер с Арктики приносил пургу и вьюги. Залив парил, над заснеженными сопками иногда мерцало северное сияние.

После длительного пребывания в госпитальной палате, ветер казался Леонову особо лютым. Пряча голову в поднятый воротник шинели и опираясь о палку, он, прихрамывая, шел по обочине дороге. В кармане гимнастерки лежало предписание, там значилось «К строевой службе временно не годен». Подпись начальника госпиталя, гербовая печать.

Лицо секла снежная крупа, изредка обгоняли обледенелые полуторки, следующие с грузами для фронта.

На перекрестке остановился, пару минут постоял и вместо штаба флота направился в отряд.

– Что же мне с тобой делать? – прочитав предписание, задумался капитан Инзарцев. – С базой, допустим, я договарюсь. Но в боевую группу зачислить не могу. Потом взглянул на лыжную палку в руке разведчика, и она навела на мысль.

– А не послать ли тебя на лыжную базу? Займешься пока инвентарем, а там видно будет.

Так Виктор остался в отряде, а к концу зимы, когда рана окончательно зажила, стал принимать участие в рейдах по тылам врага. К тому времени немцев разгромили под Москвой, советские войска перешли в наступление, боевой дух стал вдвое выше.

Теперь в поход отправлялись закаленные в сражениях и спаянные морским братством разведчики, о делах которых он немало слышал на лыжной базе и читал во флотской газете.

Весте с ветеранами отряда там выросли новые отважные следопыты. Среди них были моряки разного возраста и сроков службы Отделениями командовали призванные из запаса мичманы и старшины Александр Никандров, Анатолий Баринов, Андрей Пшеничных и другие.

Прославились в боях и недавно служившие на флоте Зиновий Рыжечкин, Александр Манин, Евгений Уленков. Большим авторитетом среди сослуживцев пользовались умудренные жизненным опытом – мурманский инженер Флоринский и ленинградский слесарь Абрамов. Оба мастера и умельцы в совершенстве знавшие не только свое, но и трофейное оружие с техникой, походное снаряжение. Непревзойденными бойцами стали спортсмены из института имени Лесгафта Головин, Старицкий и Шеремет.

На лыжной базе Виктор подружился с пришедшим из погранвойск Василием Кашутиным. Бывалый разведчик и отличный стрелок, сержант ревностнее всех обучал свое отделение скалолазанию, маскировке, наблюдению в горах и рукопашному бою.

Старожилы отряда с радостью встречали новичков, а особенно тех, кого давал им флот. Так в него пришли знакомые Виктору по подплаву электрик Павел Барышев, моторист Иван Лысенко, штурман Юрий Михеев и кок Семен Агафонова, списанный, на берег. Получая на лодку продукты, он набил морду вороватому интенданту.

Агафонов был единственным моряком, для которого Инзарцев сделал исключение, зачислив в отряд под свою личную ответственность. Если строгий капитан пошел на такой шаг, то, видимо, высоко ценил этого взрывного и безгранично смелого помора. Как показало время, не ошибся.

Улучшилось и материально-техническое снабжение подразделения. Не оправдавшие себя в боях самозарядные винтовки заменили на пистолеты-пулеметы ППШ, личному составу выдали теплое белье, меховые безрукавки и штаны из оленьих шкур, ворсом наружу.

А еще в нем создали партийную и комсомольскую организации.

На должность комиссара (прежний утонул при возвращении с Пикшуева) политотдел прислал старшего политрука Дубровского, опытного политработника. Лет тридцати пяти, высокого и со щеточкой усов под носом. К нему Виктор и обратился с просьбой разрешить пойти в очередной рейд и, если можно, в отделении Кашутина. Комиссар посоветовал Инзарцеву взять Леонова в связные.

– После большого перерыва в боях, – сказал Виктору Дубровский, – вам надо находиться поближе к командиру. А отделение Кашутина пойдет замыкающим.

Темной выюжной ночью высадились на скалистом берегу и начали движение через горы к вражеской базе. Дорогу отряду прокладывали неутомимые ходоки Мотовилин с Радышевцевым и Агафонов. Впереди идущие ненадолго задерживались у препятствий, а когда остальные преодолевали их, снова уходили вперед. Комиссар шел с замыкающими – разведчиками Кашутина, контролируя, чтобы не было отстающих.

Полночь. В горах свирепствовал буран и завывал ветер. В пяти метрах уже не видно идущего впереди и, чтобы не потерять друг друга, двигались плотной цепочкой.

Недалеко от вражеской базы залегли. Только двое, Радышевцев с Дамановым, сняв ранцы, покрались вперед, чтобы первыми забраться на скальную площадку близ укреплений, где была выставлены постовые. Остальные с нетерпением ждали развязки короткой, драматической схватки, которая на языке разведчиков называется: тихо «снять» часовых.

... Два егеря в длиннополых шинелях с высоко поднятыми воротниками шагали навстречу друг другу. Они не видели облаченных в белые маскхалаты разведчиков, распластавшихся на снегу. Да и парни видели часовых лишь тогда, когда те сходились в центре площадки. Потом егеря растворялись во мраке ночи, чтобы через три-четыре минуты появиться на том же месте. Обоим предстояло снять одновременно, иначе один заметит исчезновение другого и поднимет тревогу.

Фашисты разошлись. Теперь за каждым из них бесшумно пополз разведчик.

Радышевцев притаился за валуном близ тропинки, утоптанной парой и замер. Когда, уже возвращаясь, егерь, сутулясь и глядя себе под ноги, проходил мимо, он в прыжке саданул того по голове прикладом и, навалившись сверху, загнал в рот кляп. Потом выхватив из кармана ремешок, захлестнул петлей руки.

В следующий миг послышался приглушенный хрип борющихся людей. Алексей побежал на него, но никого не нашел. Зато обнаружил в развороченном снегу следы, ведущие к обрыву.

Услышав внизу шорох, отскочил назад, схватившись за автомат. Потом увидел схватившиеся за край скалы пальцы левой руки и зажатый в кулаке правой кинжал. За ней показалась голова Даманова.

Коля, – негромко прошептал Алексей.

Тот подполз, с лица градом катился пот.

– С-сигналь, – натужно выдохнул.

Напарник помигал в сторону отряда фонариком. Из снега возникли белые призраки, обгоняя друг друга, поднялись на площадку.

Инзарцев повел свою группу к стоявшей под навесом колонне автомашин, остальные, во главе с Дубровским, побежали к казарме и складу.

Когда над складом взвился сноп огня, а в окна казармы полетели гранаты, бойцы Инзарцева уже громили автоколонну и подожгли цистерну с горючим. Освещенные языками пламени егеря в панике метались между казармой и складом, падали, сраженные меткими очередями напавших.

Из – за одного бензовоза внезапно выскочил здоровенный унтер. В руках винтовка с ножевым штыком. Попытался всадить его в грудь командира – не успел. Находившийся рядом Леонов в упор секанул из ППШ. С криком «мисткерль!»* враг повалился на спину.

– Выручил, – утер со лба пот капитан. – А теперь дуй к Дубровскому, пускай отходит.

– Есть! – перезарядив оружие, побежал к казарме

Отошли вовремя. На складе боеприпасов начали рваться снаряды. Вражеская артиллерия с соседней высоты открыла огонь по своей базе. Унося раненых (убитых не было) спустились со скальной площадки и поспешили к заливу.

Десантные катера уже были далеко от берега, а разведчики все еще наблюдали бушующее зарево над сопкой, где недавно побывали. И долго еще сотрясали окрестности взрывы рвущихся в огне боеприпасов.

Операцию провели внезапно, стремительно и дерзко. Больше всего Леонова поразила спокойная уверенность моряков в исходе боя. Словно иначе и не могло быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.